Фото Н. САМОЙЛОВА

Недосягаемая Гурченко

РЕВЕРАНС

Режиссер Леонид Трушкин выполнил социальный заказ

Век. - 1997 - 7-13 марта. - с. 11

Антон МАШИН

Людмила Гурченко играет Каролину Эшли в спектакле Леонида Трушкина «Недосягаемая» по пьесе Сомерсета Моэма. Заранее ясно — бенефис. С Гурченко иначе и быть не может. Не важно, какой спектакль, аншлаг все равно неизбежен. Так и происходит — каждое появление актрисы на сцене вызывает аплодисменты. Быть может, постановкой постепенно и пресытится публика, но достойного премьерно-аншлагового шлейфа ей не избежать. Пока не посмотрят все, кого манит Гурченко, — а таковых очень много — спектакль будет жить. Вряд ли кто-то поверит на слово, что премьера так себе. Звездное имя гипнотизирует.

Спектакли Трушкина притягательны для публики. Режиссер работает только со звездами, только с популярной литературой и только для массового зрителя, требующего ярких необременительных зрелищ, без «зауми». Говоря казенным языком, Трушкин выполняет социальный заказ. Постановка должна лишь вписываться в контекст происходящего, вписываться в среду.

Трушкин боготворит Гурченко, знает, что на ней можно заработать, и вместе с тем не обижает ее гонораром. Для него выбор ЭТОЙ актрисы на ЭТУ роль — единственно возможный. «Она божественна!» — заявляет режиссер. Бенефис суперзвезды любезен всем, в том числе и зрителю. Трушкин буквально заново переписывает неизвестную, не ставившуюся в России пьесу Моэма и выстраивает спектакль строго под Гурченко — блестящую водевильную, фарсовую актрису. В XX веке театр поборол драматургию, поэтому позволительно переписать диалоги, изменить финал и проч. И вот моэмовская «Недосягаемая» превратилась в романтический фарс. Для услады взора и слуха публики сделано все возможное — роскошные костюмы (художник Светлана Синицина), богатые эффектные декорации (художник-постановщик Борис Валуев), музыка, которая так и норовит стать шлягером (композитор Владимир Давыденко), гротескная пластика (балетмейстер Сергей Зарубин), резко очерченные роли (вокруг бенефициантки немало знаменитостей — Ольга Волкова, Владимир Стеклов, Борис Дьяченко).

Спектакль нарочито искусственный и простой. Легкая женская история, легкие отношения, легкие интриги, легкие шутки. Каждый герой что-то имитирует, не обременяясь стремлением к убедительности. Здесь нет ничего подлинного. Да и зритель уже не требует «правды жизни». Английский юмор в устах мужчин звучит очень по-русски. Страсти хоть и заданы как наигранные, но их гротескное исполнение тоже слишком русское.

С каждым ее появлением на сцене затянувшееся, заснувшее, казалось бы, без нее действие оживает. Гурченко можно сколь угодно упрекать в искусственности, натянутости, «деланности» — это преследует ее всю жизнь,— но не поддаться ее чарам едва ли возможно. Ее энергия, ее ломкость, резковатость, даже вульгарность, ее надтреснутый «ненастоящий» голос обладают особой манкостью для зрителя. Она и вправду недосягаема, как ее героиня. Недосягаема в своей искрометности. Своим присутствием на сцене Гурченко оправдывает фарсовый строй спектакля. Ей к лицу все броское. То, что для иной представлялось бы чрезмерным, для нее — в самый раз. В игре актриса откровенно «переживает», но насколько гармонирует с ней этот «пережим». Она возбуждает интерес не столько к своей героине, сколько к себе самой. Ведь она по-прежнему молода, обворожительна, «заразительна».

История Каролины Эшли близка Гурченко, которой нужно хранить свою недосягаемость. Героиня недосягаема, покуда замужем. Гурченко недосягаема, покуда она такая, какая есть. Своей искусственностью, «деланностью» она ставит барьер, преграду, держит дистанцию, которую страстно хочется преодолеть. Но прелесть именно в ее непреодолимости.

Спектакль с Гурченко должен быть легким, воздушным, но Трушкину, видно, скучно без проблемы в чистом виде. Поэтому он сознательно перегружает финал и пытается вывести тему недосягаемости на какой-то иной — трагический — уровень, что вводит в недоумение зрителя своей необоснованностью. Ведь публике было бы вполне достаточно для достижения удовольствия созерцать немудреные бенефисные выходы Гурченко. Этот оправдательный — наверное, перед зрителем-интеллектуалом — ход немного сбивает необременительный фарсовый строй спектакля. Но для Гурченко и это не помеха — все те же искусственность, «деланность», не позволяющие прорваться истинному трагизму. В результате она так и остается недосягаемой во всех смыслах.